

ЖАНРОЛОГИЯ И ПОЭТИКА ТЕКСТА / GENRE AND POETICS OF THE TEXT

С.В. Жилияков
S.V. Zhilyakov

«НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА» Г.Р. ДЕРЖАВИНА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ СТИХОТВОРНОГО ГЕНЕТЛИАКОНА: МНЕМОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

"ON THE BIRTH OF A PORPHYROGENITAL BOY IN THE NORTH" BY G.R. DERZHAVIN IN THE CONTEXT OF THE TRADITION OF THE POETIC GENETLIACON: THE MNEMONIC ASPECT

В статье на основе сравнительно-типологического анализа прослеживается взаимосвязь русского стихотворного генетликаона («На рождение в Севере порфирородного отрока» Г.Р. Державина), концептуализирующего память по рождению, как со стороны предшествующей традиции («Стихи на рождение Иоанна, сына Феодора Ласкариса» Никифора Влеммида, Византия, XII–XIII вв., «Благоприветствия...» Симеона Полоцкого, Россия, XVII в.), так и в перспективе последующего лирического наследия, в корне изменяющего концепцию жанра («Стихи, написанные в день рождения» Дмитрия Мизгулина, XXI в.). Выявляются как общие типологические признаки жанра, обусловленные генетической связью с эпиком, а также (в некоторых случаях) отличительные черты, отражающие авторский стиль и объективные историко-поэтологические изменения. Выясняется также, что генетликаон выступает полной противоположностью мнемонического жанрового стихотворения «На смерть...», обслуживающего полярную тему – памяти по смерти. Антагонистские отношения между жанрами проходят по семантико-семиотической линии разграничения оды и элегии, являющихся для обоих жанров генетическими, а значит и мнемоническими, предшественниками. На этих основаниях делается вывод, что, несмотря на статус стихов «на случай», натальная ода – генетликаон – в процессе своей продолжительной жанровой жизни претерпевает основные фазы развития, проходя через канонизацию (становление панегирика), переход к деканонизации, выраженный синтезом (панегирик и ирония) и синкретизм жанровых начал, возвращающий к долитературному синкретизму (ода в виде мнемонического мотива стихотворного «памятника», сочетающаяся с мотивом стихотворения «На смерть...» – продуктом элегической медитации). В соответствии с указанными жанро-процессуальными изменениями трансформируется сама мнемоническая интенция жанра, имманентно присущая ему – от следования стратегии «памяти жанра» (произведения до Державина) к «памяти о жанре» (генетликаон Мизгулина).

Ключевые слова: жанр, мнемонический, Державин, произведение, поэзия, стихотворение, генетлиакон.

The article traces the relationship of the Russian poetic genetliakon ("On the birth of a Porphyrogenital boy in the North" by G.R. Derzhavin), conceptualizing birth memory, as from the side of the previous tradition ("Poems on the birth of John, son of Theodore Laskaris" by Nikifor Vlemmid, Byzantium, XII–XIII centuries, "Greetings..." by Simeon Polotsky, Russia, XVII century.), and in the perspective of the subsequent lyrical legacy, radically changing the concept of the genre ("Poems written on the birthday" by Dmitry Mizgulin, XXI century.). Both common typological features of the genre are revealed, due to the genetic connection with epinikium, as well as (in some cases) distinctive features reflecting the author's style and objective historical and poetical changes. It also turns out that the genetliakon acts as the complete opposite of the mnemonic genre poem "To death ...", serving the polar theme of memory after death. Antagonistic relations between genres run along the semantic-semiotic line of demarcation between ode and elegy, which are genetic, and therefore mnemonic, precursors for both genres. On these grounds, it is concluded that, despite the status of poems "for the occasion", the natal ode – the genetliakon – in the course of its long genre life undergoes the main phases of development, passing through canonization (the formation of panegyric), the transition to decanonization, expressed by synthesis (panegyric and irony) and syncretism of genre principles, returning to the pre-literary syncretism (an ode in the form of a mnemonic motif of a poetic "monument", combined with the motif of the poem "To death ..." – a product of elegiac meditation). In accordance with these genre-procedural changes, the mnemonic intention of the genre itself, which is immanently inherent in it, is transformed – from following the strategy of "genre memory" (works by Derzhavin) to "memory of the genre" (genetliakon Mizgulin).

Key words: genre, mnemonic, Derzhavin, work, poetry, poem, genetliakon.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-63-4-52-58

Сочиненное в окончании периода «рефлексивного традиционализма» (С.С. Аверинцев), а потому еще сохраняющее инерцию нормативно-канонической интенции, стихотворение Г.Р. Державина «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока» (1779)³ имеет перед собой прецедентный жанровый ориентир, служащий эстетико-эпистемологическим образцом жанра. Одним из предположительных источников (в европейской литературе) генетликаона (оды на рождение) с учетом заголовочного словосочетания «порфирородного отрока» является произведение виднейшего представителя византийской поэзии Никифора Влеммида (Византия, XII–XIII вв.) «Стихи на рождение Иоанна, сына Феодора Ласкариса». Его можно охарактеризовать как яркий панегирик в честь новорожденного – будущего правителя православной империи.

С первых строк византийский генетлиакон расточает величальные эпитеты в направлении младенца-государя, в тени которых находится контрастирующий с ним образ автора – «седой монах Никифор». Влеммид, представитель византийского гуманизма, выражающий «стремление к снятию всех и всяческих противоречий в духовной культуре» [1, 342], ставит ребенка-монарха в центр мироздания, представляет его рождение результатом связи двух дихотомических по своей природе источников света – Солнца и Луны, в которых легко просматривается гиперболизированный пietet и вместе с тем

³ Первоначальный вариант названия опубликованного в Санкт-Петербургском Вестнике произведения начинается именно со слов «Стихи...». Это важно для понимания жанра как стихов «на случай». В последующем нами, как и большинством изданий, будет использован заголовок без указания на стихи.

символическая сакрализация правящей родительской четы (отец и мать предстают в статусах Отца Христа и Богородицы, а сам младенец – Христом): «О чадо солнца светлого, луны прекрасной чадо, / Двойного света ты нам луч, двойного блеска отблеск...» [9, 323].

Поэтика разноуровневых (параллелизмы, хиазмы, анафоры и проч.) повторов, эмфатические компоненты выполняют очевидную функцию, подчеркивают тем самым основное мнемоническое предназначение текста – для устного произношения. Особенно это ощущается в конце – в настойчивом молитвенном призыве ниспослать будущему правителю всемирной славы: «Царь царствующий, крепкий бог, господь и сил и воинств / Тебе да ниспослет вовек и крепость и удачу...» [9, 324]. Торжественная риторика генетликаона строится не без влияния античных образцов, в роли которых во многом выступают гимны, эпиникии, известные своими средствами риторического воздействия, среди которых в первую очередь выделяются эмфаза, сравнения, эпитеты и проч. Кроме того, генетликаона с гимном прослеживается в молитвенном славословии. Воздействие же эпиникии проверяется через включение в текст элементов божественной генеалогии правящей четы, усиливающей потенциальные позиции объекта хвалы – их новорожденного сына. Подобно тому, как в своих эпиникиях Пиндар объясняет победу героя ристалищ его сакральной родословной.

В аналогичных условиях абсолютной монархии Державин пользуется готовыми традиционными ресурсами, хотя и в русской оде ко времени написания его генетликаона жанровых резервы уже имелись в достаточном количестве. (Попутно отметим, что Симеон Полоцкий неоднократно обращался к генетликаону: «Приветство новорожденной царевне Марии» (1660), «Вирши на рождение Петра I» (1672), у самого Державина также имеются генетликаоны, хотя и сочиненные в той же жанрово-стилистической парадигме, что и «На рождение в Севере...», – «На рождение великой княжны Ольги Павловны» (1792); «На рождение царицы Гремиславы (Л.А. Нарышкину), 1796». Все это свидетельствует о достаточной разработанности жанра в русской литературе. Однако вернемся к державинской натальной оде.

Ей присущи «живость красок, разнообразие и пластичность картин, прелесть языка», способствующие тому, что стихи генетликаона «заучивались наизусть» [3, 193]. Вероятно, такая мнемоническая намеренность изначально содержалась в самом замысле оды служить в качестве приношения престолу по случаю судьбоносного события – появления на свет будущего императора Александра Павловича (Александра I) в декабре 1779 года. «Появление на свет» в данном контексте не просто метафора, а семантика процесса преобразования мира – одного «из наиболее часто повторяющихся мотивов панегириков в честь монархов» [7, 92], в котором свет есть стихия-победитель темных сил, олицетворяющих хаос, преобразующийся вследствие сокрушения в порядок благодаря космическому величию самого акта рождения. В ряду данного преобразования находится ситуационная рокировка времен года, олицетворяющая уход старого мира, вслед которому приходит новый.⁴ Все это берет начало в мифо-фольклорной модели видения мира (солнце, а также луна, от которых исходит свет, соотносятся со словами, имеющими семантику «творящего божества» [6, 209]), которая еще во многом, если не является прямым руководством к действию, остается для Державина эстетическим лекалом. Именно в таком контексте должен пониматься переход от зимы к весне:

⁴ Примечательно, что Александр I родился 23 декабря (по старому стилю), в день, следующий за датой зимнего солнцестояния – самого короткого дня в году. Как известно, именно с 23 декабря начинается постепенное увеличение продолжительности дня, что в символическом сознании может соответствовать победе света над тьмой. В то же время Иоанн IV Ласкарис, кому посвящен византийский текст, появился на свет 25 декабря, в праздник Рождества Христова, что имеет значение богоизбранности, в определенной степени – боготождественности, а значит и вызывает чувство особого пиетета, тем более для того времени.

В это время столь холодно,
 Как Борей был разъярен,
 Отроча порфирородно
 В царстве Северном рожден.
 Родился, – и в минуту
 Перестал реветь Борей;
 Ондохнул – и зиму люто
 Удалил Зефир с полей;
 Он воззрел – и *солнце красно*
 Обратилося к весне... [11, 549].

При всей идейно-тематической близости коммуникативные установки Державина и Влеммида разнятся. У византийского автора она всецело определяется христианской доктриной «власти от бога», поэтому обращение к настоящему источнику престолонаследия (Богу) первично, к его же физической ипостаси (младенец правящей династии) закономерно только в случае понимания его божественной креатуры (хотя в тексте многочисленны сравнения будущего монарха с Христом, но благоденствия для него ниспращиваются у Бога). У Державина же образ будущего государя уже сам предстает в виде сакральной эпифании Бога (характерен высказанный императив заключительной строки «Соравняйся с божеством» [11, 550]). По этой причине гении и Россия⁵ напрямую вместе (предположительно) с народом воздают почести и хвалы ему. В то же время авторское сознание Державина, в отличие от влеммидовского, запечатлевает пограничное состояние канонического и персонального жанрового мышления [4, 175], знаменующее собой окончание «рефлексивного традиционализма» (С.С. Аверинцев), использует внутренние весьма подвижные потенции произведения для синтеза «пиндарической и анакреонтической оды» [5, 20]. Анакреонтическая модальность стихотворения проявляется, в частности, в «игривой легкости», «грации» – использовании тех стилистических средств, несвойственных для высокой патетики, отличающих в целом произведение, по Я. Гроту, от торжественной оды вообще. Кажется, критика того же слепого следования каноническим образцам выявляется еще и в использовании нарочито протиевественной избыточности однокоренных лексем в заголовке «*рождение – порфирородного*», как бы высмеивающей изначальную торжественную обстановку восприятия произведения.

Примечательно, что образ света, общий атрибутивный признак вместе с семиотическим верхом (возвышением) представленных генетликаонов, в упоминаемом цикле «Благоприветствования» «на случай» Симеона Полоцкого приобретает статус сквозного. Так, «Приветство новорожденной царевне Марии» (1660), посвященное радостному событию рождения дочери царя Алексея Михайловича Марии. Оно с самого начала пронизано образом света, несущей семантику вегетации-рождения: «Новая радость ныне ся являет, / Яко светила ново нам сияет. // Свет ест Мария новорожденна, / Тобою, светом, царю наш, спложена. // Тем же мы молим творца всегда света, / Да дажд сияти ей во многа лета» [10, 67]. В другом генетликаоне Полоцкого – «Вирши на рождение Петра I» (1672) встречается тот же мотив «И ты, царствующий граде Москво, просветися, ибо радость велия в тя вселися» [2, 258]. К нему добавляется возложенная на Петра надежда избавления православного мира от врагов («Храбрый и страшны явятся врагом сопротивным, / окаменован в вере именем предивным» [2, 258]), мотив, который в уже известном контексте агонизма света – тьмы, зимы – весны приобретает черты стилистического клише, становится «общим местом» поэтики, а в аспекте постоянного использования в указанных произведениях жанра еще и являет собой особого рода назидательно-мнемонический инструмент коммуникативного воздействия на реципиентов.

⁵ В образе коленопреклоненной России, берущей на руки младенца, думается, эмблематизируется Богородица с Христом.

Державин, как и Полоцкий, не скупится в использовании христианско-мифологических средств символизации, гиперболизации и сакрализации власти, поскольку всякое рождение в аспекте идеационного типа (соответствует ему «эйдетическая поэтика» – С.Н. Бройтман) мировоззрения ассоциируется с прибавлением,⁶ избытком, цветением, разбуханием, урожайностью, теплом и прочими концептами благоденствия. Пресыщенное бытие, таким образом, передает дары новорожденному – своеобразный способ жертвенного обмена: «Тот обилие, богатство, / Тот сияние порфир...» [11, 549]. Стиховое сопровождение, следуя этой идейно-тематической логике, производит чрезмерность этого события также разнообразными повторами, как и в византийском генетликаоне, иногда напоминающими заклинательно-инвокативные композиты: «Возрастай, дитя прекрасно! / Возрастай наш полубог! / Возрастай, уподобляясь...» [11, 550]).

Безусловно, в натальной оде Державина остались следы архаических представлений о взаимосвязи рождения (воскрешения) с интронизацией и сменой времен года, трактующихся в значении борьбы и победы жизни над смертью, сакрального над профанным, вечного над временным, победы, служащей залогом благоденствия всей общины. (Это подробно на разноэтническом материале описал антрополог Джеймс Дж. Фрэнсер в работах «Фольклор в Ветхом Завете», «Золотая ветвь: Исследование магии и религии».) Более того, в ней присутствуют элементы того архетипического пласта, семантика которого проявляется при внимательном рассмотрении того же антагонизма бинарных стихий. Как отмечает О.М. Фрейденберг: «День смерти, позднее поминовения, сливается с днем рождения...» [12, 86]. То есть в применении к оде данная мысль приобретает следующие возможности интерпретации. Натальная ода становится обладателем мнемонического потенциала, воспроизводящего архетипические смыслы древности, конституируя и укрепляя то, что М.М. Бахтин называет «архаикой» жанра. А дихотомические отношения борьбы в генетликаоне отражают память о переходе смерти в жизнь, которая всегда была другой фазой рождения – ее оборотной стороной, связанной не с появлением (феноменом), а с *изчезновением*.⁷ В данном аспекте становится оправданным сравнительный анализ генетликаона с концептуально противоположным стихотворением мнемонической системы «На смерть...».

Итак, в стихотворении «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся» (1794), посвященном уходу из жизни первой жены Державина, налицо те концепты, производные смерти, которые оказываются прямо неприемлемыми для оды, – падение, уход, горизонтальное положение, мрак, тьма, земля и проч. Лирическое «я» сетует в стиле плача на то, что «Не сияние луны⁸ бледное / Светит из облака в страшной тьме, / Ах! Лежит ее тело мертвое» [11, 602]. Вся цепь образов и картина описания смерти наполнены чувством тяжелой утраты, что прямо выражается самым убедительным средством – усилительной частицей в функции анафоры (вспомним, что повторы позитивных лексем, в противоположность данному случаю, – признак генетликаона), нанизывающейся (стилистически напоминает стиль «плетения словес») на начало каждой строки: «Уж нет моего друга верного / Уж нет моей доброй жены...» [11, 602]. В целом «На смерть...» выражает диаметрально противоположную генетликаону художественную

⁶ Для сравнения: в простонародье говорят молодой семье, в которой только что родился ребенок: «С прибавлением!».

⁷ Учение о вечном возвращении как метафорическое (духовное) замещение смерти рождением путем ритуального воссоздания первоначального времени творения (*Illo tempore*) находит подтверждение амбивалентности (взаимооборотничества) смерти-рождения – важного аспекта познавательной модели мира традиционных обществ. Этому посвящены многочисленные работы М. Элиаде («Аспекты мифа», Очерки сравнительного религиоведения» и т.д.). С ним связаны также теории «основного мифа» Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова.

⁸ Очевиден контраст «несияющей» луны Державина со «светоносной» луной Влеммида.

концепцию, определяющуюся полярными координатами (жизнь и смерть) человеческой экзистенции.

История генетлиакона не оканчивается с завершением классической литературной эпохи, не теряет своей актуальности жанр и в современной русской поэзии, номинативно маркируемый по традиции «стихами». «Стихи, написанные в день рождения» (2021) Дмитрия Мизгулина посвящены автором, что необычно, самому себе в день 60-летия, поэтому представляют собой актуализацию памяти о дне рождения в автобиографическом аспекте. Совмещение субъектно-объектной позиции в фокусе лирического «я», представляющего alter ego биологического автора, как следствие этого – изменение коммуникативной позиции, необычной для натальной оды, приводят к трансформации всей идейно-тематической текстуры произведения, в целом – к смене жанровой модальности. Она, будучи обусловленная медитацией о скоротечности жизни и приближением смерти, приобретает явные элегические черты, ощутимые с самого начала: «В суете, в круговерти, / В суматохе разлук / Я подумал о смерти / Неожиданно вдруг» [8, 12]. Ближе к концу элегическая тональность обратно возвращается в одическое русло, напоминая об этом автопародией (с оттенком автоинвективы) мотива немеркнувшей славы («Нет, весь я не умру... Слух обо мне пройдет...») поэтического «памятника», наделяющего все произведение мнемоническим атрибутом:

*Я исчезну во мраке,
Беспросветной ночи,
Не залают собаки,
И луна промолчит...*

Ведь унынье не властно
Над бессмертной душой [8, 12].

В целом эйдетике светоносности в данном тексте противопоставляется обскурантизм, семиотическому небесному верху – земной низ, возношению – 'низхохождение', ассоциирующиеся с «беспросветной ночью», «мраком» («Я исчезну⁹ во мраке / Беспросветной ночи...» [8, 12]). Можно сказать, что дихотомия натальной оды и стихотворения «На смерть...» в данном автогенетлиаконе получает противоречивое единство (одического субстрата и стихотворения «На смерть...»), характерное для синкретизма литературы архаического периода («дореклексивный традиционализм»), когда еще не существовало различия между жанрами, порой антагонистскими по своей сути, внутри единого мифоритуального комплекса, репрезентирующего взаимооборотничество смерти-рождения и обслуживающего хозяйственно-бытовую сферу жизнедеятельности человека. Таким образом, автогенетлиакон своей необычностью, с одной стороны, демонстрирует жанровую гибкость стихов «на случай», органично вписываясь в традицию жанра, с другой же стороны, объективные процессы литературы и деконструкция привычной жанровой концепции, вызванная перестройкой субъектной позиции и проч., отразились в нем «памятью о жанре» – частичным отстранением от жизненного пути жанра, память которого практически без изменений присутствовала еще в лирике Державина. В-третьих, «Стихи, написанные в день рождения» Дмитрия Мизгулина обнаруживают в себе образец неосинкретизма – мнемонической установки на регенерацию жанрового синкретизма архаического времени. Таким образом, архитектоника генетлиакона современного поэта зиждется на соединении (монтаже) двух структур мнемонических жанров – оды на рождение (генетлиакон) и стихотворении «На смерть...».

Таким образом, поэтика генетлиакона детерминирована изначальной имманентной ему мнемонической функцией, согласно которой прямым предназначением жанра является

⁹ Вспомним рассуждение выше о смерти как исчезновении.

запечатление стихотворной памяти о рождении важной персоны – объекта торжества. Поэтика повторов, также мнемонически упрочивающая священство новорожденного, значимость самого события появления на свет в космическом масштабе, патетика, воплощенная в вегетативной семантике и связанными с нею образами света, роста, жизнеутверждения и проч., являются основными атрибутами жанра в период «рефлексивного традиционализма». Они, будучи обусловленные одическим (эпическим) генезисом, остаются на протяжении жизни жанра каноническими, определяющими его память. Стихотворение «На рождение в Севере порфирородного отрока» Г.Р. Державина, чье творчество является по существу переходным, несмотря на очевидную преемственную связь («память жанра») с византийской («Стихи на рождение Иоанна, сына Феодора Ласкариса» Никифора Влеммида), а также с предшествующей русской жанровой традицией («Благоприветствия...» С. Полоцкого), обнаруживает начало отступления от многовекового образца наличием в структуре элементов, помимо торжественной, анакреонтической оды, приносящей ироничный оттенок произведению. В большей степени отстраняются от традиции «памятью о жанре» и расшатывают сатирической автопародией жанровый инвариант современные «Стихи, написанные в день рождения» Дмитрия Мизгулина, сочетающие наряду с атрибутивным одическим рудиментом (мотив стихотворного «памятника») структурные элементы стихотворения «На смерть...», являющегося в качестве производной элегии антагонистом оды. Так, генетика Державина является всего лишь одним звеном в длинной цепи исторического развития мнемонического жанра, проходящегося длинный путь от становления и синтеза до неосинкретизма, поворачивающего памятью традицию вспять.

1. Бычков В.В. *Малая история византийской эстетики*. Киев, 1991.
2. Голубев И.Ф. Забытые вириши Симеона Полоцкого // *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1969. Т. 24. С. 254–259.
3. Грот Я.К. *Жизнь Державина*. М., 1997.
4. Иванюк Б.П. Жанровая вставка в поэзии Г.Р. Державина // *Филология и культура. Philology and culture*. 2015. № 1(39). С. 171–176.
5. Ларкович Д.В. *Феномен авторского сознания Г. Р. Державина в контексте русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX века: автореф. дисс. ... д-ра. филол. н.* Екатеринбург, 2012.
6. Маковский М.М. *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов*. М., 1996.
7. Маслова А.Г. *Жанровая система русской поэзии начала 1760-х гг.: поэтика пространства и времени* // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2013. № 4(1). С. 91–96.
8. Мизгулин Д. Нелегко быть с эпохой на «ты» // *Литературная газета*. 2021. 8–14 сентября (№ 36).
9. *Памятники византийской литературы IX–XIV веков*. М., 1969.
10. Полоцкий С. *Вириши*. Минск, 1990.
11. *Русская поэзия XVIII века* // *Библиотека всемирной литературы*. Т. 57. М., 1972.
12. Фрейденберг О.М. *Поэтика сюжета и жанра*. М., 1997.